

Овчинников Никита Сергеевич,
ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России

Научный руководитель:
Кривенцева Светлана Михайловна,
ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России

СКУЛШУТИНГ (ШКОЛЬНЫЕ МАССОВЫЕ УБИЙСТВА): КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ОБЪЯСНЕНИЯ И ПРЕВЕНЦИЯ

Аннотация. Статья посвящена криминологическому анализу феномена скулшутинга – массовых убийств в образовательных организациях, которые в последние годы превратились из исключительно американской проблемы в общемировой криминальный вызов. В работе исследуются теоретические подходы к объяснению причин и механизмов данного явления, включая психологический, социально-средовой и ситуационный подходы, а также концепцию подражания (колумбайн-эффект).

Ключевые слова: Скулшутинг, колумбайн, массовые убийства в школах, криминологическая теория, профилактика насилия, оценка угроз, утечка информации.

За последние десять лет в России в результате скулшутинга пострадало более 300 человек. Конец 2025 – начало 2026 года уже назвали пиком волны происшествий: за три месяца произошло восемь трагедий, включая нападение в анапском индустриальном техникуме, где один человек погиб и двое получили ранения. Это явление, еще недавно воспринимавшееся как исключительно американская проблема, прочно вошло в российскую реальность. Нападения в Керчи (2018), Казани (2021), Перми (2021), Ижевске (2022) стали не просто резонансными событиями, но и маркерами нового этапа в развитии подростковой преступности, требующего переосмысления традиционных криминологических подходов.

Скулшутинг, что в переводе с английского означает «стрельба в школе», тесно связан с понятием «Колумбайн» – по названию американской школы, где в 1999 году произошло одно из самых громких массовых убийств, в результате которого погибли 13 человек, а нападавшие покончили жизнь самоубийством. У преступников появились подражатели по всему миру. Движение «Колумбайн» в России признано террористическим и официально запрещено; за участие в его деятельности предусмотрена уголовная ответственность, вплоть до пожизненного заключения. Однако, как справедливо отмечают психологи, начинать профилактику следует не с запретов, а с понимания истоков проблемы.

Попытки объяснить природу скулшутинга привели к формированию нескольких теоретических подходов, ни один из которых не может считаться исчерпывающим.

Психологический подход фокусируется на личностных особенностях скулшутеров. Анализ личностей «школьных стрелков» выявил устойчивый комплекс черт: нарциссизм, при котором окружающие воспринимаются как «биомусор», недостойный жалости (казанский стрелок называл себя «богом», а Эрик Харрис из «Колумбайна» оставил в дневнике надпись: «Я Бог»); трудности с социализацией и изоляция от сверстников; склонность фиксироваться на обидах и жесткое, черно-белое восприятие происходящего; неспособность признавать собственную ответственность за неудачи, при которой вина перекладывается на окружающих. Российские исследователи также отмечают, что для личности скулшутера характерны повышенная чувствительность к отвержению, трудности с управлением эмоциями, которые в неблагоприятной среде начинают усиливать друг друга.

Социально-средовой подход акцентирует роль внешних факторов. Согласно статистике, большинство школьных стрелков были жертвами травли. Ребенок, годами живущий в атмосфере давления, копит обиду; более половины жертв никогда не жалуются взрослым. Насилие и гипопили гиперопека в семье способствуют формированию искаженных социальных установок. Родители не замечают патологического поведения ребенка, отрицают проблемы.

Ключевым элементом социально-средового подхода выступает концепция подражания, или «колумбайн-эффекта». Медийное освещение массовых убийств создает готовые сценарии для потенциальных подражателей. Как отмечается в исследовании, посвященном криминалистическим аспектам скулшутинга, «интернет в этом смысле играет роль усилителя – там есть не только информация, но и готовые сценарии». Деструктивные интернет-сообщества, пропагандирующие идеи скулшутинга, романтизируют и оправдывают поведение стрелков, транслируют их образы через визуальные атрибуты, мемы и текстовые ролевые игры.

Ситуационный подход, развиваемый в работах И.Е. Козыревой, рассматривает преступное поведение скулшутера как последовательный процесс, проходящий определенные стадии. Криминальная деятельность анализируется с позиций ситуационного подхода, выделяются ее этапы, указываются криминалистические и психологические особенности скулшутеров. Доказано, что при раскрытии вооруженных нападений в образовательных организациях, а особенно при пресечении этих преступлений, ключевое криминалистическое значение имеет такой психологический фактор, как «утечка информации» о готовящемся преступлении.

Новейшие эмпирические исследования существенно обогатили понимание механизмов скулшутинга. Наиболее значимые результаты касаются соотношения двух факторов: летального намерения и характеристик оружия. Важно подчеркнуть, что в 80 процентах случаев стрелки не приобретали оружие самостоятельно, а получали его от членов семьи, друзей или на неформальных рынках, что свидетельствует о том, что мощность оружия часто определялась доступностью, а не тщательным выбором

Современные подходы к профилактике скулшутинга демонстрируют эволюцию от исключительно технических мер безопасности к комплексным системам раннего выявления и поддержки. Как справедливо отмечают психологи, камеры и турникеты работают уже после того, как процесс сформировался. Гораздо важнее раннее внимание к изменениям в состоянии подростка.

Феномен «утечки информации» является критическим звеном в профилактике. Как отмечает кандидат психологических наук Марина Верстова, путь к преступлению у школьных стрелков не бывает внезапным, он проходит несколько стадий: хроническое напряжение, событие-триггер, этап фантазий и планирования, атака. На каждой из этих стадий будущий преступник подает сигналы, и задача школы, родителей – научиться читать их.

Эти сигналы могут быть вербальными и невербальными. Специалисты выделяют следующие маркеры: упоминание имен скулшутеров; оправдание их поступков; высказывания о подготовке к собственному акту скулшутинга; высказывания ненависти к системе образования, одноклассникам, педагогам; использование специфической лексики, свидетельствующей об интересе к субкультуре.

Визуальные маркеры включают ношение длинных черных плащей, штанов с большим количеством карманов, высоких ботинок, футболок с надписями «Ярость», «Ненависть», «Естественный отбор». Однако, как подчеркивают психологи, наличие одного-двух признаков не делает ребенка преступником; тревожным является именно комплекс сигналов, который представляет собой «крик о помощи».

Модель оценки угроз представляет собой наиболее разработанный протокол превентивного вмешательства. В Канаде, в регионе Большого Садбери (Онтарио), с 2011 года действует протокол оценки угроз насилия, подписанный 35 организациями, включая полицию, школьные советы и агентства психического здоровья. Ключевым принципом является мониторинг «сдвига в базовой линии поведения» – отслеживание небольших изменений в обычном поведении ученика.

Законодательные инициативы также играют важную роль в превенции. В США в 2025 году был представлен Закон о предотвращении школьного насилия, который уполномочивает создание комплексной школьной программы предотвращения насилия для оказания помощи молодежи, подвергающейся наибольшему риску вовлечения в насилие с применением огнестрельного оружия. Закон предусматривает использование стратегий, основанных на фактических данных, культурно ориентированных, учитывающих травматический опыт, и направленных на укрепление межличностных и эмоциональных навыков молодежи, таких как общение, решение проблем, эмпатия и управление конфликтами.

Исследователи также указывают на важность ограничения доступности высокопоражающего оружия. Как показывают данные, использование более мощного оружия увеличивало вероятность смерти примерно на 22 процента, даже после учета намерений и других значимых переменных. Законы о предотвращении доступа детей к оружию, которые возлагают на взрослых ответственность за ненадлежащее хранение огнестрельного оружия, доказали свою эффективность в снижении широкого спектра вреда, связанного с оружием.

Скулшутинг представляет собой сложный криминологический феномен, детерминированный переплетением психологических, социальных и ситуационных факторов. Попытки свести его к одной причине неизбежно ведут к неэффективности превентивных мер. Ключевым выводом современных исследований является признание того, что путь к трагедии почти никогда не бывает внезапным. На каждой стадии – от хронического напряжения до планирования атаки – будущий преступник подает сигналы, которые могут быть распознаны, если взрослые обладают необходимой компетенцией и готовы к диалогу.

Эффективная профилактика скулшутинга требует перехода от исключительно технических мер безопасности (турникеты, камеры, металлоискатели) к комплексной системе раннего выявления и психолого-педагогического сопровождения подростков группы риска. Только объединив усилия семьи, образовательных учреждений, правоохранительных органов и специалистов в области психического здоровья, можно создать среду, в которой потенциальная трагедия будет распознана и предотвращена на стадии, когда вмешательство еще возможно.

Список литературы:

1. Козырева И.Е. Вооруженные нападения и убийства в образовательных организациях (скулшутинг): криминологические и психологические аспекты // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 4(73). С. 230–234.
2. Доденкова А.С. Профилактика массовых убийств в образовательных организациях: выпускная квалификационная работа. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2025.
3. Сериков А.Е., Виноградова О.П. Массовые убийства в образовательных организациях: детерминанты и организация профилактики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. № 3. С. 92–101.
4. Волчецкая Т.С., Авакьян М.В., Осипова Е.В. Криминологическая характеристика и профилактика скулшутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 5. С. 578–591.

